

Ю. Е. Барлова*

**БЕДНОСТЬ, НУЖДА И ПАУПЕРИЗМ
В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
АНГЛИИ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.**

СПРАВЕДЛИВО ЗАМЕЧЕНО, что бедность – «самая социальная» из всех социальных проблем, мимо попыток теоретически осмыслить которую не проходит ни один сколько-нибудь заметный мыслитель. В различные исторические периоды взгляды ученых на природу бедности варьировались от трактовки этого явления как «социального зла» или «общественной болезни» до восприятия его как «состояния экономической независимости индивидов и групп» или даже «социального блага». Проблематика бедности и сегодня занимает значительное место и в отечественной, и в зарубежной науке. Впрочем, большинство ученых и в прошлом, и в настоящее время оценивают существование бедности в обществе как закономерность. Основные разногласия между ними начинаются там, где возникает вопрос о необходимости проведения *социальной политики* в отношении бедных и беднейших слоев – и, в частности, о роли *государства* в оказании социальной помощи бедным.

Как идеологические основы, так и практическое воплощение концепции социальной политики в новое и новейшее время неразрывно связаны с историей Великобритании. Она считается страной, имеющей самую долгую и в какой-то степени самую уникальную историю взаимоотношений между государством, обществом и беднейшими слоями. Еще в XIII веке в Англии появились первые королевские статуты, предписывающие ту или иную помощь нуждающимся. Эпоха правления знаменитой династии Тюдоров стала свидетелем небывалого взлета частной благотворительности и филантропии, строительства домов призрения, возникновения бесплатного медицинского обслуживания для беднейшей части населения. «Век Просвещения» был отмечен появлением, со стороны государства, целой серии законодательных актов, регулирующих проблему бедности, а со стороны общества – организаций самопомощи. В XVIII столетии Англия становится «чемпионом» по объему налоговых отчислений в пользу бедных среди государств Европы. В это же время здесь развернулись довольно масштабные публичные дебаты о бедности как общественной проблеме.

В исторической литературе часто констатируется тот факт, что «проблема нищеты в Англии резко обострилась в конце XVIII века». Действительно, в 1780-х – 1790-х гг. в Англии и Уэльсе, вследствие роста безработицы, высоких цен на продовольствие, низких заработных плат, в результате последствий огораживаний, а также вовлечения Британии в войны с Францией, во многих графствах выросли налоги на бедных, что было невыгодно не только состоятельным лендлордам, но и фермерам средней руки, а также простым прихожанам, имевшим землю в пользовании. Поэтому, когда мы признаем, что политики и мыслители того времени заинтересовались проблемой бедности вследствие ее обострения, мы

* Барлова Юлия Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Ярославского Государственного Педагогического университета им. К. Д. Ушинского (Ярославль).

говорим не языком бедных, которым то время редко позволялось «говорить самим за себя», а языком элиты, которую эта проблема начала беспокоить. Под «обострением проблемы», соответственно, имелось в виду не столько ухудшение экономического положения бедняков, сколько неудобства, возникающие у тех общественных слоев, которые платили налог в пользу бедных. Таким образом, изучая взгляды на бедность в конце XVIII – начале XIX в., мы вынуждены мыслить теми категориями, стереотипами, которые были оформлены посредством предубеждений элиты того времени.

Воспринимая бедность как нужду, английские политики и мыслители выделяли две прослойки бедняков: первая – это ремесленники, сельские рабочие, одинокие женщины, дети и старики, ограниченные в средствах и нуждавшиеся в частной или общественной помощи. Вторая – пауперы, напрямую зависящие от организованной социальной помощи. Именно последняя группа в прямом смысле была сотворена социальной и политической элитой, которая, по сути, определяла, кто может называться бедным, а кто нет, и «заслуживает» ли человек социальную дотацию. С XVII в. пауперы, получавшие довольствие, были отделены от бедных в целом. И это скорее было не экономическое, а чисто административное отделение – жест властей, наделенных соответствующими полномочиями. Статус нищего, паупера, по словам английского исследователя, «был в прямом смысле сконструирован властью с помощью выплат, учреждений и закона»¹.

В целом, таким образом, проблема бедности воспринималась в английском интеллектуальном дискурсе как проблема «абсолютной бедности», бедности как нищеты и пауперизма. Однако, уже в конце XVIII века появились первые попытки рассмотреть бедность как *относительную категорию*. Так, Адам Смит писал, что «в некоторых государствах сочтут необходимостью то, что в других посчитают за роскошь – например, льняные сорочки или кожаную обувь... Заработок же самого скромного рабочего может обеспечить самое необходимое для жизни – есть и одеваться, обустроить дом, завести семью... Большое количество заработка уходит на удобства, которые могут быть даже отнесены к излишествам...». Относительную природу бедности Смит, таким образом, выявляет через связь бедности и *социального стыда*, или разрыва между социальными стандартами и материальной способностью придерживаться их, будто бы «предвещающая» появившийся в XX в. *субъективный* подход к бедности – «бедность как ощущение себя бедным»².

Большинство мыслителей нового времени признавали, что бедность – категория *экономическая*. В то же время, возможно, под влиянием идей протестантской этики и особенностей английского Просвещения (представители которого, как известно, особое внимание уделяли вопросам морали и нравственности) – в рассуждениях о бедности конца XVIII – первой половины XIX вв. большое место занимают моральные, нравственные, ценностные аспекты. Об этом свидетельствуют даже эпитеты, употреблявшиеся вместе со словами «бедность» и «бедные». Эдмунд Берк называл бедность «противоестественной», «заслуживающей порицания», «безнадежной», смотрящей на любую собственность «глазами, полными зависти»³. Давид Юм писал, что «бедность и тяжкий труд *деморализуют* умы простых людей, делая их непригодными для любого рода наук и искусных про-

¹ Slack P. Poverty and Policy in Tudor and Stuart England. L., 1993. P. 7

² Smith A. The Theory of Moral Sentiments. Part I, section III, paragraph I.III.16

³ The Works of the Right Honourable Edmund Burke. L., 1857. In 16 vol. Vol. 2, Reflections on the Revolution in France, paragraph 2.1.63, 2.1.74, 2.1.172, 2.1.189

фессий», связывая воедино категории «бедность» и «стыд»⁴. Связывал бедность с безнравственностью и преступлениями и «отец утилитаризма» Иеремия Бентам – он считал, что «беднейшие слои... в результате нужды или простоты, или того и другого, наиболее открыты для обманов и манипуляций...». Интересно, что, апеллируя к морали, мыслители конца XVIII в., даже если они по-разному относились к бедным, говорили о предпочтительности «срединной ситуации» – ни бедность, ни богатство. Уильям Годвин, которого причисляют к ранним социалистам, мечтал, что в воображаемой им коммуне все живут «в одинаково скромном достатке»⁵. Юм цитирует молитву, которая призывает Бога «не дать ни Бедности, ни Богатства, дать же еды столько, сколько достаточно для пропитания... поскольку в первом случае я буду сыт и стану отрицать бога,... а во втором случае я буду беден, и краду, и опорочу имя Господа»⁶.

В любом случае, пагубное влияние на мораль крайней бедности, нужды не оспаривал, наверное, ни один мыслитель. Более того, именно «моральные» аргументы преобладали в дискуссиях по наиболее острому вопросу, касавшемуся проблемы бедности, – вопросу о том, каковы причины живучести в обществе этого явления и как решать проблемы, связанные с нищетой и пауперизмом.

По этому вопросу научная и общественная мысль конца XVIII – начала XIX вв. разделилась на два противоположных направления. Первое часто называют «мальтузианским», или «социал-дарвинистским», второе – «эгалитаристским», хотя ни хронологически, ни концептуально эти названия не точны⁷. Представители первого направления – те, кто, объясняя причины бедности, основывались на т.н. принципе ее *личной обусловленности* (люди сами виноваты в своей нищете) и считали, что выходом является отказ от дотаций бедным и ориентация последних на самопомощь. Родоначальником этого подхода является Джозеф Тауншенд, который уже в 1786 году в работе «Исследование законов о бедных добродетелем человечества» высказал идеи, которые впоследствии повторил знаменитый мыслитель Томас Мальтус и которые, соответственно, были объединены термином «мальтузианство». «Количество пищи, – пишет Тауншенд, – вот что регулирует численность человеческого вида» Это закон природы, который человек не способен отменить или изменить⁸. Рано или поздно численность населения начинает превышать количество пищи, поэтому в обществе всегда должны быть бедные, которые обречены на голод и нуждаются в работе. Они и являются истинными виновниками чрезмерной нищеты – т.к. увеличивают свою численность ранее, чем будет обеспечена достаточная для их поддержания провизия. Таким образом, Тауншенд выделяет три причины роста нищеты: безрассудное размножение бедных, леность и порочность бедняков, лишенных добродетелей протестантской этики – трудолюбия, трезвости и бережливости, – и английские законы о бедных, по которым общество должно содержать пауперов. Выход из положения – воздействовать на нищету голодом. Это приведет к сокращению населения и тем самым ограничит главный источник нищеты. Кроме того, голод – идеальное средство принуждения бедных к труду: беднякам «мало известны

⁴ Hume D. Essays, Moral, Political, and Literary. Library of Economics and Liberty // Retrieved from the World Wide Web: <http://www.econlib.org/library/LFBooks/Hume/hmMPL1.html>

⁵ Годвин В. О собственности. М., 1958.

⁶ Hume D. Op. cit.

⁷ См напр. Сычева В. С. Измерение уровня бедности: история вопроса // Социологические исследования. 1996. № 4. С. 141

⁸ Townsend J. Dissertation on the Poor Law by a Well-Wisher of Mankind: Berkeley, Los Angeles, London, 1971. P. 38.

мотивы, которые стимулируют деятельность более высоких слоев общества: гордость, честь, честолюбие. В результате лишь только голод может заставить их работать»⁹.

Аргументы Тауншенда почти слово в слово повторялись в сочинениях Томаса Мальтуса. В ставшем классическим труде «Опыт о законе народонаселения...» (1798) предлагается знаменитая формула, объясняющая нехватку средств к существованию на всех: население имеет тенденцию к росту в *геометрической* прогрессии, тогда как средства к существованию растут в *арифметической*. Мальтус считал, что «система государственной помощи бедным поощряет размножение населения и тем самым увеличивает бедность. Поэтому, чтобы поднять благосостояние населения, нужно отменить законы о бедных и предоставить помощь нуждающимся всецело частной благотворительности». Кроме того, он считал, что человек «должен воздерживаться от вступления в брак до тех пор, пока он не окажется в состоянии содержать рожденных им детей. Все это приведет к сокращению прироста населения и, в конечном счете, к преодолению нищеты, к улучшению участи и увеличению счастья низших классов общества»¹⁰. Через несколько лет после публикации «Опыта о законе народонаселения» те же аргументы повторял и экономист Давид Риккардо: «Только прививая беднякам ценности независимости, – писал он, – и обучая их не искать постоянно систематической или случайной благотворительности, а искать собственные источники поддержки, ... мы значительно приблизимся к более стабильному и здоровому государству»¹¹.

Иереимия Бентам перефразировал все ту же аргументацию в своей работе «В защиту излишеств. Боль и наслаждение» (1818): он настаивал на том, что, проводя жесткие и даже антисоциальные меры в отношении бедных, можно не только блокировать, но и устранять социальные проблемы: «Если сделать помощь бедным *болезненной*, – писал он, – бедные от этого лишь выиграют, т.к. будут стремиться *сами поддерживать себя*... и в дальнейшем это приведет их к наслаждению... Бедные перестанут быть паразитами. Им вернут их достоинство». В этой же работе Бентам разработал план «Паноптикона» – некоего прообраза работного дома XIX века, в котором должны были содержаться все трудоспособные люди без собственности и без профессии (их он насчитал около миллиона). Суровая диета, изоляция и строгая дисциплина, верил Бентам, сделают бедных продуктивными, трезвыми и замедлят их чрезмерное воспроизводство.

Похожих взглядов придерживался и Фредерик Мортон Иден, экономист и потомственный промышленник, трехтомное сочинение которого «Положение бедных» (1797) содержало подробное описание условий жизни трудящейся бедноты, детальные отчеты из работных домов и домов призрения¹², за что его, кстати, высоко оценивал Карл Маркс. Лишь *самопомощь*, – писал Иден, – сможет облегчить существование бедных, а любое законодательно оформленное «право на помощь» будет ослаблять сильнейший двигатель человечества – стремление к обладанию собственностью.

Показательно, что все упомянутые выше мыслители ссылаются на труды Адама Смита, который все же смотрел на эту проблему немного по-другому. В

⁹ Townsend J. Op. cit. P. 23

¹⁰ Цит. По: Jones K. The making of Social Policy in Britain. P. 8–9

¹¹ Цит. По: Jones K. Op. cit. P. 10–11

¹² Identifying the Poor: papers on measuring poverty to celebrate the bicentenary of the publication in 1797 the «State of the Poor» by Sir Frederick Morton Eden. Ed. F. G. Pyatt. Oxford, 1999

русле своей общей доктрины Смит полагал, что попытки бороться с бедностью бесполезны и обречены на провал, т.к. они являются вмешательством в законы рынка. Будущее процветание и богатых, и бедных, считал он, зависит от свободы рынка труда. По логике Смита, безработные сами вправе выбирать себе работодателя, а последние вправе нанимать рабочих за самое маленькое жалованье, за которое они (рабочие) согласятся у них работать, и так как труд в современном обществе является предметом, регулируемым законами спроса и предложения, со временем заработки бедных сами зафиксируются на своем «естественном» уровне.

Кардинально иного взгляда на нищету и ее причины придерживались представители второго направления – это Уильям Годвин, Уильям Хэзлитт, Чарльз Холл. Писатель и публицист У. Годвин в двухтомном трактате «Рассуждение относительно политической справедливости» (1793) признавал, что общество делится на два класса – богатых и бедных. Последние составляют 98 % населения. Причина нищеты – в существовании частной собственности. Годвин полагал, что в идеальной общине одинаково скромно обеспеченных тружеников «люди будут приучены к простым началам справедливости и поймут, что ничто, кроме дарований и добродетелей, не дает права на уважение»¹³.

Уильям Хэзлитт, писатель и публицист, в памфлете «Мальтус и свободы для бедняков» (1807)¹⁴ обвиняет Т. Мальтуса в том, что тот «сделал себя пророком богатых и великих, особенно тех из них, кто не склонен к подаяниям... с помощью магических формул типа “излишнее” или “избыточное” население». Показательно, что Хэзлитт, в отличие от большинства своих современников, хотя бы пытается говорить от лица самих бедных, ссылаясь на их мнения: «Не так давно я спросил старого работающего крестьянина – думает ли он, что нищета в его округе возникла по причине увеличения работающих бедняков, в результате которого стало не хватать работы на всех. Он ответил: “Нет!”, сказав, что в его местности не стало больше людей, чем обычно, и не больше, чем требуется для того, чтобы выполнять соответствующие работы летом, чтобы выжить зимой... Выжить зимой! Боже праведный! Неужели эти слова не ранят сердца богатых и могущественных сильнее, чем любой плач?» Хэзлитт, по сути, предлагает сократить расходы на роскошь: «лошади для удовольствий и экипажей, повсеместно содержащиеся в этом королевстве, потребляют такое количество продукции, производимой землей, какого было бы достаточно для содержания всех пауперов... Мальтус... подаст бедному жесткое, как скребок, полотенце, а сам возьмет чистый, белый носовой платок, чтобы стереть помаду со щеки раскрашенной проститутки...!» В то же время Хэзлитт признает, что налоги на бедных тяжелы для обычных людей, «гуманность которых оказалась обескровленной налоговым бременем, возложенным на них их экономикой», и тоже поддерживает идею самопомощи: «Спасение бедняков, я убежден, должно происходить изнутри их круга»¹⁵.

Чарльз Холл, врач по образованию, в труде «Влияние цивилизации на народы европейских государств» (1805) выделяет два общественных класса: богатых и бедных, и связывает понятия «богатство» и «власть». «Господство богатых над трудом бедных столь же сильно и эффективно, – пишет он, – как власть над своими подданными наиболее абсолютного из всех когда-либо живших монар-

¹³ Годвин В. О собственности. М., 1958/

¹⁴ Hazlitt W. Reply to Malthus. Malthus and the Liberties for the Poor. London, Longman, 1807. P. 3–6

¹⁵ Hazlitt W. Reply to Malthus.

хов...»¹⁶. Но обращаясь к статистическим данным, он показывает, что в силу огромной смертности, особенно детской, среди бедняков, естественный прирост этой части общества крайне низок. А раз так, то утверждение Мальтуса, будто нищета народных масс есть следствие их неразумного размножения – ложно. Не невежество и тупость народа является причиной его нищеты, а наоборот, нищета масс – причина их умственной и нравственной неразвитости. Считая цивилизованное общество в существующем виде несправедливым, Ч. Холл в качестве идеала видит общество, в котором каждый ведет хозяйство и распоряжается продуктом своего труда.

Таким образом, представителей второго направления объединяет, во-первых, критика в адрес последователей Тауншенда и Мальтуса; во-вторых, попытка взглянуть на проблему «глазами бедных»; в-третьих, «морально-нравственный» уклон в аргументации, и, наконец, довольно абстрактные предложения относительно решения проблемы нищеты. Возможно, именно поэтому они не отвергали идеи самопомощи как выхода из кризисной для бедных ситуации.

Итак, знакомство со взглядами английских политиков и мыслителей конца XVIII – первой половины XIX в. выявляет три вида восприятия бедных элитой в новое время: как объектов благотворительности, жалости, симпатии и щедрости, как угрозу общественному порядку, общественной морали и общественному здоровью, и, наконец, как потенциальный производственный ресурс: надо обучить их трудиться, дать им нужные стимулы, и они начнут работать на общее благо. Похоже, что с конца XVIII века в английском общественно-политическом дискурсе происходит трансформация восприятия бедных – «от симпатии к угрозе, которую необходимо контролировать или использовать с целью социального и экономического конструирования»¹⁷.

Показательно, что проанализированный нами этап дебатов о бедности закончился отменой в 1834 г. всех государственных дотаций бедным и заменой их «антисоциальной» системой работных домов. Но именно этот «виток» в социальной политике, парадоксальным образом, повлиял на то, что в конце XIX – начале XX века в Англии зародились идеи социального либерализма и были проведены реформы, на основе которых в середине XX века сформировалась модель социально-экономического и политического устройства, получившая название «государства всеобщего благосостояния» («Welfare State») и предусматривающая ответственность общества за уровень жизни людей, не способных обеспечить себя самостоятельно.

Впрочем, как верно замечает британский исследователь П. Линдерт, диалог по вопросу о социальной помощи, скорее всего, некогда не закончится и останется «вечно актуальным», т.к. два основных «потока аргументов», которые «повторялись, видоизменяясь, в течение столетий», по сути, отражают «вечный» конфликт между желанием помочь другим и желанием дать им стимул к самопомощи¹⁸.

¹⁶ Hall Ch. The Effects of Civilization on the People in European States. New York, 1965. P. 47–48.

¹⁷ Slack P. Op. cit. P. 205.

¹⁸ Lindert P. H. Growing Public. Social Spending and Economic Growth since the 18th century. Vol. I. The Story. Cambridge, 2004, 377 p. P. 3–4